

АВТОРИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

И. М. Улюкин¹, Д. В. Костин¹, Н. В. Киселева¹, В. В. Юсупов¹, А. В. Березовский¹

¹ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова» МО РФ, г. Санкт-Петербург, Россия

AUTORITARIAN PERSONALITY AND SOCIAL BELIEFS

I. M. Uliukin¹, D. V. Kostin¹, N. V. Kiseleva¹, V. V. Yusupov¹, A. V. Berezovskii¹

¹S. M. Kirov Military Medical Academy of the Russian Defense Ministry, Saint Petersburg, Russia

Резюме

Состояние вопроса. Обзор посвящен анализу категорий «авторитарная личность» и «социальные верования», определяющих социальные установки человека: считается, что вера в «опасный мир» надежно предсказывает авторитаризм правого толка, а вера в «конкурентный мир» — ориентацию на социальное доминирование.

Цель работы — анализ публикаций, посвященных синдрому авторитарной личности и влияющим на него факторам: эффективность обучения в ходе образовательного процесса у лиц молодого возраста во многом зависит от своевременного выявления их индивидуально-психологических особенностей и возможной психокоррекции.

Исследование актуально в связи с тем, что авторитаризм и социальные установки подлежат мониторингу из-за изменений в условиях жизни общества.

Материалы и методы исследования. При проведении исследования использовались научные публикации в открытой печати, подобранные в соответствии с его целью в отечественных и зарубежных базах данных.

Результаты. Показано, что сторонники мировоззрения «конкурентного мира» склонны поддерживать доминирование на основе групп; сторонники же теории «опасного мира» поддерживают идею социальной сплоченности, коллективной безопасности и традиций.

Обсуждение. Отмечена другая версия авторитарности — авторитарность, основанная на традиционных ценностях. Установлено, что там, где общество в значительной мере светское, а условия жизни человека комфортные, степень религиозности минимальна.

Заключение. Авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование являются предикторами обобщенных предубеждений и этноцентризма, поэтому мониторинг данных показателей имеет большое значение для определения функции приспособления индивида к обществу (1 рис., библи.: 57 ист.).

Ключевые слова: авторитаризм, аттитюды, вера в «конкурентный мир», вера в «опасный мир», идеологические установки, личностные характеристики, личность, ориентация на социальное доминирование, собственная социальная группа, сплоченность группы, этнические предрассудки.

Статья поступила в редакцию 09.12.2018 г.

Abstract

Background. The review is devoted to the analysis of the categories «Authoritarian Personality» and «Social Beliefs», as this determines the social attitudes of a person: it is believed that belief in a «dangerous world» reliably predicts right-wing authoritarianism, and belief in a «competitive world» is oriented toward social domination.

The aim of the work was the analysis of publications on the issue of the authoritarian personality syndrome and factors affecting it, for the timely identification of individual psychological characteristics and possible psychocorrection for the purpose of effective learning in the course of the educational process in young people.

The study is relevant due to the fact that authoritarianism and social attitudes are subject to monitoring due to changes in the conditions of society.

Materials and methods. When conducting a study, scientific publications in open press materials were used, which are contained in domestic and foreign databases, they were selected in accordance with the purpose of the study.

Results. It is shown that people who adhere to the worldview of the «competitive world» tend to maintain group-based dominance; people who adhere to the «dangerous world» theory tend to adhere to social cohesion, collective security and traditions.

Discussion. There is another version of authoritarianism, authoritarianism based on traditional values. However, where society is largely secular, and the human condition is comfortable, the degree of religiosity is minimal.

Conclusion. Right-wing authoritarianism and a focus on social dominance are predictors of generalized prejudice and ethnocentrism, therefore monitoring these indicators is important as determining the function of an individual's adaptation to society (1 figure, bibliography: 57 refs).

Key words: attitudes, authoritarianism, «dangerous world belief», ethnic prejudice, group cohesion, ideological attitudes, «jungle world belief», own social group, personal characteristics, personality, right-wing authoritarianism, social dominance orientation.

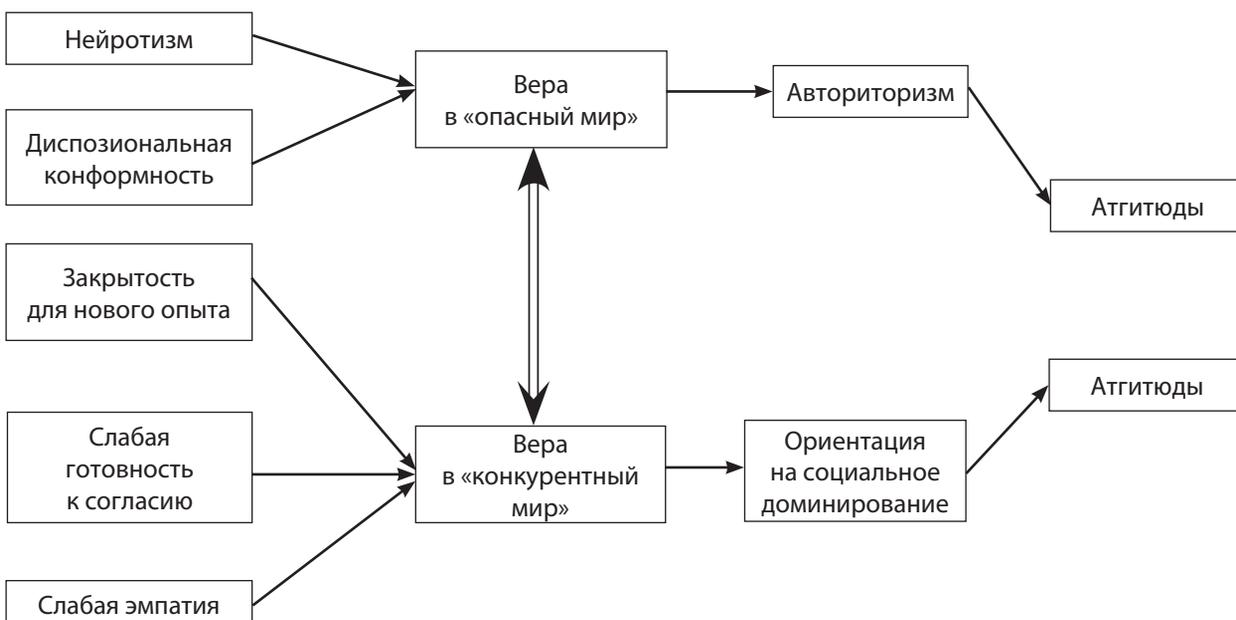
Article received 09.12.2018.

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что самосознание в современной культуре в основном определяется двумя концептуальными схемами: с одной стороны, это ускоряющийся процесс глобализации, необходимой для создания единого культурного пространства и времени, в первую очередь за счет единого рынка; с другой — постмодернизм как эпоха, в которой утрачены или разрушены механизмы единства. Поэтому культура представляет собой множество относительно автономных локальных общностей, создающих различные мультикультурные пространства и времена. Но, поскольку на первый план выдвигаются не социологические или исторические, а психологические подходы (хотя все эти три аспекта можно отграничить друг от друга только условно), обычно исследователи не стремятся объяснить существование тех или иных представлений причинами общественного характера. Так, из-за различия представлений о дружелюбности и враждебности мира (которые оказывают влияние на политические и идеологические предпочтения) возникла точка зрения о социальных верованиях (как представлениях человека о том, какова сущность других людей, как они ведут себя по отношению к окружающим и как надо отвечать на их действия), к числу которых относится вера в «опасный» и в «конкурентный мир» [1–4]. Их основное различие заключается в том, что вера в «опасный мир» (dangerous world beliefs) — это убеждение, что общество хаотично, непредсказуемо, люди нападают на окружающих, а существующий социальный порядок находится

под угрозой разрушения; вера же в «конкурентный мир» (jungle world beliefs) — это убеждение человека в том, что окружающие стремятся «обыграть» его, поэтому, чтобы достичь успеха и выиграть соревнование, он должен использовать все преимущества, предоставляемые ситуацией, лгать людям и манипулировать ими (рис. 1) [5].

По мнению Дж. Даккита, в основе социальных верований лежат стабильные личностные черты. Веру в «опасный мир» порождает высокий уровень нейротизма и диспозициональной конформности (хотя существует точка зрения, что она зависит не только от стабильных личностных черт, но и от опасности, таящейся в конкретной ситуации [3]). Так, люди, верящие в «опасный мир», стремятся к безопасности, сохранению социального порядка. Веру же в «конкурентный мир» порождают закрытость новому опыту, слабая готовность к согласию и низкий уровень эмпатии (люди, верящие в «конкурентный мир», стремятся доминировать над окружающими). Цели, в свою очередь, определяют аттитуды человека (т. е. его социальные установки); имеется точка зрения, что вера в «опасный мир» надежно предсказывает авторитаризм правого толка (RWA), а вера в «конкурентный мир» — ориентацию на социальное доминирование (SDO), и данный вид обоих отношений имеет причинно-следственный характер [6, 7]. Показано, что RWA и SDO являются мощными предикторами обобщенных предубеждений и этноцентризма [8], поэтому изучение этих показателей имеет большое значение в каждом отдельном случае при определении функции приспособления индивида к обществу.

Рис. 1. Двухфакторная модель социальных верований Дж. Даккита

Считается, что в России формированию авторитарного режима управления могут способствовать, в частности, исторические факторы (ранее существовавшее монархическое устройство государства, уровень культуры сегодняшнего многонационального общества) и меняющиеся в последнее время экономические, социальные и политические условия. Из-за изменений в условиях жизни общества возникает необходимость в мониторинге авторитаризма и социальных установок, в связи с чем данное исследование является весьма актуальным.

ЦЕЛЬ

Анализ публикаций по проблеме синдрома авторитарной личности и социальных верований для своевременной выявления индивидуально-психологических особенностей и возможной психокоррекции у лиц молодого возраста с целью их эффективного обучения в ходе образовательного процесса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При проведении исследования использовались научные публикации в открытой печати, подобранные в соответствии с целью исследования в отечественных и зарубежных базах данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Считается, что проникновение в структуру характера является лучшим аргументом против тенденции рассматривать константные черты индивида как «прирожденные», «основополагающие» или же «расово обусловленные» — понятие, отвечающее за нечто относительно устойчивое. Однако следует подчеркнуть, что структура характера — это скорее готовность к поведению, чем само поведение. Поэтому изучение антидемократических тенденций и описание условий, при которых они находят свое выражение в индивиде, требует понимания всей совокупности общественных условий.

По данным разных авторов, люди в общем склонны к тому, чтобы принимать те политические и социальные программы, которые, по их мнению, служат их собственным экономическим интересам (а каковы эти интересы, зависит в каждом отдельном случае от позиции индивида в обществе, определяемой в экономических и социологических категориях).

В той мере, в которой господствующие в данной группе идеи имеют имплицитно или эксплицитно (т. е. явно или скрыто) антидемократический характер, каждый отдельный член этой группы становится подверженным воздействию пропаганды аналогичного направления. Как правило, он сделает выбор, предположительно соответствующий потребностям структуры своего характера.

Поэтому совокупность теоретических представлений об определенном типе личности, который рассматривается как основа тоталитарных режимов в силу присущих ему специфических черт, была названа концепцией авторитарной личности. Она возникла как одна из попыток исследовать социальную почву, благоприятствовавшую возникновению нацизма (мировоззрения, ставящего во главу мира определенную нацию — расу или народ и ратующего за использование репрессивных мер по отношению к остальной части человечества).

Однако для того, чтобы быть успешным политическим движением, нацизму необходима опора в массах. Но, поскольку уже в силу одной своей природы он действует в интересах немногих за счет большинства (хотя должен обеспечить себе в массах не только боязливое подчинение, но также и активное сотрудничество значительного большинства народа), нацизм не может позволить себе объявить своей целью улучшение положения большинства в соответствии с его подлинными интересами, поэтому апеллирует в первую очередь не к рациональному самоидеалу, а к эмоциональным потребностям, часто к самым примитивным и иррациональным желаниям и опасениям.

На этом фоне появляются понятия феноменов «авторитарной личности» (термин, введенный Теодором Адорно) [9] и «правого авторитаризма» (термин, введенный Робертом Энтони «Бобом» Алтемейером) [10]. По мнению Т. Адорно, синдром авторитарной личности включает девять признаков, среди которых конвенциализм, авторитарное раболепие, авторитарная агрессия, антиинтрацепция (как противодействие субъективности, творчеству, подавление фантазии и воображения), суеверность, силовое мышление и культ силы, деструктивность и цинизм, проективность и чрезмерный интерес к сексуальным происшествиям. Личность, обладающая этими признаками, встречается прежде всего среди людей, предпочитающих диктат сильных лидеров и традиционные ценности, склонных отвергать представителей других групп и стремиться к участию в межгрупповых конфликтах. Такая личность является ведущим социальным типом в авторитарном обществе.

Свое дальнейшее развитие теория Т. Адорно получила в трудах Б. Алтемейера, который, введя

понятие «правый авторитаризм», сократил количество характеристик, описывающих синдром авторитарной личности, и стал рассматривать их не столько как личностные особенности, сколько как совокупность социальных установок. Б. Алтемейером была составлена Шкала RWA, которая содержала три из девяти оригинальных кластеров F-шкалы (Шкала фашизма): авторитарное подчинение (некритическое подчинение и принятие установленной внутригрупповой власти), авторитарную агрессию (общая агрессивность, направленная на инакомыслящих, нарушителей социальных норм и аут-группы) и конвенционализм (строгое соблюдение традиций, устоявшихся ценностей и норм) [10–11]. Вместе с тем считается, что тип «правоавторитарной личности» обычно соответствует рядовому последователю (адепту) социального движения, в то время как для его лидеров характерна SDO.

В настоящее время под RWA понимается совокупность аттитюдов (социальных установок) человека к политической власти, в которые включают консерватизм (готовность безоговорочно подчиняться власти), традиционализм (одобрение традиционных социальных норм) и авторитарную агрессию (одобрение жестоких наказаний в отношении нарушителей общественного спокойствия) [12, 13]. Однако в разных общественно-политических форматах это может проявляться по-разному: так, уравнивательная норма справедливости была положительно связана с RWA у россиян и отрицательно — у американцев [14].

Под SDO понимается совокупность аттитюдов людей по отношению к существующей в обществе социальной иерархии. Люди с сильно выраженной ориентацией отвергают идею равенства различных социальных групп и уверены, что одни сообщества лучше других [15].

Изначально предполагалось, что RWA и SDO являются чертами личности (так, считается, что людей, склонных к правому авторитаризму, можно охарактеризовать как мрачных, тревожных и раздражительных, с недостатком воображения и любопытства, но в то же время эффективных и трудолюбивых [16]), однако впоследствии стало понятно, что это социально-политические (идеологические) установки [1, 17]. Существует также точка зрения, согласно которой влияние ситуативных и социальных факторов на авторитаризм не означает, что его нельзя рассматривать как личностную черту, так как и другие черты личности подвержены социальному влиянию [18].

Эти позиции не являются взаимоисключающими: в частности, авторитаризм может изначально представлять собой определенную личностную черту (интегрируя в себе неуверенность, комфор-

тность и подчинение, ориентацию на силу, закрытость и устойчивость к новому опыту), которая впоследствии и приводит к соответствующим политическим установкам. Так, на примере близнецов показан значительный уровень наследуемости авторитаризма; кроме того, была обнаружена сильная корреляция между уровнем авторитарности детей и их родителей (потому что развитие характера в решающей мере зависит от процесса воспитания ребенка, от его домашнего окружения, которое главным образом определяется экономическими и социальными факторами; и каждая семья следует привычкам своей социальной, этнической и религиозной группы) [18]. Было установлено, что женщины одобряют авторитарные ценности больше, чем мужчины, особенно в индивидуалистических обществах с высоким уровнем гендерного неравенства, так как угрозы стигмы для женщин неравномерны в разных культурах, а степень стигматизации связана со степенью одобрения психологических защитных установок (таких, как авторитаризм) [19].

В ходе медико-биологических исследований было выявлено, что усиление взаимосвязи миндалевидного тела головного мозга (играющего важную роль в существовании памяти, принятии решений и эмоциональных реакциях [21]) и опорного ядра терминального тяжа гипоталамуса (bed nucleus of the stria terminalis) (играющего важную роль в возникновении тревоги) может быть ключевым нервным коррелятом повышенной негативности и предвзятости, присущих консерватизму [22]. Вместе с тем ухудшение распознавания эмоций приводит к тому, что тонкие сигналы не будут восприниматься, и это сделает выражение крайних установок более вероятным [23].

В настоящее время теория социального доминирования считается основной альтернативой теории социальной идентичности как средства для объяснения наблюдаемых закономерностей в межгрупповом поведении и верованиях, связанных с иерархическими структурами в разных культурах [24]. И с момента своего появления конструкт «SDO» оказался одним из самых универсальных и полезных для понимания социально-политических идеологий, психологии предубеждений и межгруппового поведения в социальной психологии [25]. Так, в рамках теории социального доминирования была предложена Шкала SDO, охватывающая еще три кластера F-шкалы: деструктивность и цинизм, власть и доминантность, антиинтроцепцию [26].

Вместе с тем есть точка зрения, базирующаяся на результатах, полученных по методике «Big-Five», согласно которой открытость к опыту была единственным значительным прогностическим фактором правового авторитаризма с акцентом на значения

и идеи, тогда как анализ SDO показал, что прогностическими факторами были согласие и открытость к опыту с акцентом на изживание стереотипов иерархичности, дискриминации и их ценностей [27]. Возможно, полученные данные зависели от характеристик обследованных лиц.

Однако считается, что этот конструкт не в состоянии охватить все аспекты общественной жизни и не заменяет полностью объяснительный потенциал других объектов, например индивидуальных ценностей, социальных аксиом и верований [28]. Не решены вопросы и о том, одномерный это или двухмерный конструкт (доминирование и антиэгалитаризм как совокупность социальных концепций, обосновывающих идею естественного неравенства людей), актуален ли он для современных межгрупповых отношений, направлен ли на групповую иерархию вообще или же только на предпочтение доминирования ингруппы (т. е. группы, которую индивид считает своей и соотносит себя с ней) [29].

Важно отметить, что рассматриваемые идеологические установки связаны с другими ключевыми конструктами, определяющими мотивацию и установки личности, например с ценностными ориентациями. Так, ценности открытости к изменениям и сохранения воспроизводят два полюса для RWA, а ценности самопреодоления и самовозвышения — два полюса для SDO [28, 30–32]. Культурные измерения «индивидуализм — коллективизм» и «низкая и высокая дистанция власти» также связаны с RWA и SDO [30]. Кроме того, можно выделить этику автономии (дихотомия моральных оснований: забота — причинение вреда, честность — обман) и этику сообщества (дихотомия моральных оснований: верность группе — предательство, уважение к авторитетам — подрыв устоев), и тогда выясняется, что RWA положительно связан с этикой сообщества и отрицательно — с этикой автономии, тогда как SDO отрицательно связана только с этикой автономии [32].

Важно подчеркнуть, что при анализе трех основных ориентаций в ситуациях межличностного взаимодействия (кооперативная/просоциальная, индивидуалистическая, конкурентная) ориентации в «свою» сторону (индивидуалистическая и конкурентная) положительно связаны с RWA и SDO [33].

Вместе с тем есть мнение, что RWA и SDO можно рассматривать как два измерения одного конструкта — обобщенного авторитаризма (generalized authoritarianism) [34].

Так, считается, что люди с высоким уровнем RWA и SDO обладают низким уровнем морального развития [35] и уверены в существовании единственно правильной системы моральных норм, кото-

рую необходимо защищать любыми средствами [6, 36], при этом не интересуясь политической жизнью [37] либо сопротивляясь социальным изменениям [14, 38] и выступая против акций гражданского протеста [12]. Они не верят в заговоры, организованные представителями правящих сил [39], поддерживают военное вмешательство своей страны в дела других государств и дают негативную оценку их политическим лидерам [33, 40–42].

Недоброжелательные люди склонны рассматривать социальный мир как конкурентоспособный, что, в свою очередь, предсказывает повышенные мотивации для доминирования и превосходства на основе групп (социальная ориентация доминирования, или SDO), тогда как люди с низкой открытостью к опыту и высокой сознательностью непосредственно выражали повышенные мотивы безопасности и сплоченности (правый авторитаризм, или RWA) [43]. Таким образом, ключевые аспекты личности (в первую очередь согласие и открытость к опыту) являются важным временным antecedентом (т. е. предшествовавшими событиями, поскольку они помогают уяснению настоящего) групповых мотивационных целей, лежащих в основе индивидуальных различий в предрассудках [44].

Установлено, что самая сильная связь между авторитаризмом и страхом связана со случаями социальных различий, определяемых как элементы внешнего вида или поведения человека, которые подразумевают разнообразие или отклонение от общих социальных норм [45], т. е. авторитаристы относительно чувствительны к угрозе, и в частности к угрозам, связанным с «аутсайдером», который не соответствует авторитарным стандартам единообразия и порядка. Так, в дополнение к RWA и SDO предложено включение ксенофобии в узком смысле этого слова (narrow-sense xenophobia — NSX) в перечень предикторов предрассудков и дискриминации [46], поскольку RWA и NSX в первую очередь опосредовали генетические влияния на отклонения в предрассудках и дискриминационные намерения в отношении иностранных граждан.

В настоящее время связь между авторитарной личностью и социальными верованиями изучена недостаточно. К примеру, показано, что сторонники мировоззрения «конкурентного мира» склонны поддерживать доминирование на основе групп (что подкрепляется поддержкой враждебного сексизма, поскольку он является очевидной формой господства мужчин и связан с SDO); сторонники же теории «опасного мира», склонны поддерживать идею социальной сплоченности, коллективной безопасности и социальных традиций (что подкрепляется одобрением доброжелательного сексизма, при котором ценятся женщины, соответствующие

гендерным нормам, связанного с ориентацией на правый авторитаризм с его приверженностью социальным традициям) [47].

Существует точка зрения, что женщины и мужчины, имеющие высокий уровень авторитаризма, живут в жесткогендерных мирах, где узко определены мужские и женские роли, привлекательность основана на традиционных концепциях мужественности и женственности, а также предписаны обычные сексуальные нравы [48], т. е. авторитаризм затрагивает самые личные области — романтические партнерские отношения, цели связанные с образом жизни и основными отношениями к мужчинам и женщинам. Однако считается, что людей, склонных к правому авторитаризму, можно охарактеризовать как мрачных, тревожных и раздражительных, имеющих недостаток воображения и любопытства, хотя и эффективных и трудолюбивых [16].

Кроме того, этническое разнообразие создает угрозу для авторитаристов, поскольку оно подразумевает неконформизм в отношении групповых норм и создает угрозу для группового соответствия [49].

Вместе с тем в психологии есть и другая версия авторитарности — авторитарность, основанная на традиционных ценностях, т. е. убежденность человека в том, что традиционные ценности (например, послушание детей своим родителям) должны передаваться из поколения в поколение, при том, что другие ценности (например, воспитание детей свободными и независимыми личностями) должны игнорироваться в пользу поддержки традиционных ценностей (например, ваххабизм) [50]. Таким образом, религиозность, нередко объединяясь с национализмом, в современных обществах все чаще играет роль «охранительной идеологии», защищая идентичность группы и пытаясь помочь ей избежать экзистенциальных угроз в быстро меняющемся непредсказуемом глобализирующемся мире [51], а это объясняет востребованность авторитарной личности. Показано, что люди более мотивированы быть религиозными в неблагополучных и бедных странах, чем в благополучных и богатых государствах всеобщего благоденствия [52, 53]. Однако, хотя нестабильность правительства и недоверие к нему сопровождается ростом религиозности, после выборов доверие к правительству восстанавливается, а религиозность индивидов снижается [54]. В связи с этим можно с определенной уверенностью говорить, что на религиозность влияет не только личный выбор человека, но и общественные установки, социальный контроль. Там, где общество в значительной мере светское, а условия жизни человека максимально комфортные, степень религиозности минимальна, примером чего являются

современные страны Скандинавии [55]. Вместе с тем показано, что атеисты оценивают мир как достаточно безопасный, а религиозные респонденты — как чрезвычайно опасный, индифферентные по отношению к религии испытуемые демонстрируют средние результаты [56].

Также считается, что рассмотрение авторитарных установок может быть полезно не только в исследованиях межличностного взаимодействия и межгрупповых отношений, но и, например, в исследованиях отношения людей к животным: так, показано, что SDO положительно связана с видовой дискриминацией [57].

Проблема связи между категориями «авторитарная личность», «социальные верования» и категориями «культура», «политические течения», «нацизм» в настоящей работе подробно не рассматривалась из-за большого объема имеющегося материала и требует анализа в отдельной публикации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Считается, что ни одно социально-политическое течение не представляет собой столь серьезной угрозы нашим традиционным ценностям и институтам, как нацизм, поэтому с таковым легче бороться, познав психологические силы, способствующие ему, хотя и другие деструктивные структуры характеров и идеологии не менее интересны или поучительны как объекты изучения. Данные разных авторов приводят к выводу, согласно которому лица, наиболее восприимчивые к нацистской пропаганде, имеют очень много общего (так, они проявляют многие характерные особенности, складывающиеся в единый синдром, а в рамках этой основной структуры наблюдаются типичные отклонения).

Вместе с тем известно, что люди очень различны в своей предрасположенности к антидемократической пропаганде, в своей готовности проявить антидемократические тенденции, потому что, по данным разных авторов, культурная среда, в которой происходит развитие личности индивида (особенности места проживания, локальная информационная среда, экономическая обстановка и политические тенденции, особенности семейного воспитания, характер контактов со сверстниками), является основой формирования ценностей, предпочтений, нравственных приоритетов и мировоззрения. Как и открытое вербальное высказывание, откровенное действие в большой мере зависит от данной социально-экономической ситуации, однако различные индивиды сильно отличаются друг от друга своей готовностью к тому, чтобы дать втянуть себя в активные действия.

Поэтому выявление лиц, воззрения которых позволяли предположить, что они охотно приняли бы фашизм, если бы ему удалось превратиться в достаточно сильное и уважаемое движение, представляется ныне актуальным.

Но, чтобы с уверенностью можно было сказать, что множество мнений, линий поведения и представлений о ценностях, демонстрируемых тем или иным индивидом, действительно представляют собой непротиворечивую, пластичную структуру или организованное целое, необходимо самым интенсивным образом исследовать этого индивида. Поэтому выводы относительно того, какие и какой интенсивности мнения, типы поведения и представления о ценностях могут подвинуть индивида на действия и какие личностные факторы способны удержать его от них, имеют большое практическое

значение. Психологическое же его сопровождение (при необходимости коррекция дисгармонии в личностном развитии) должно иметь своей целью поддержание такого самосознания и такой воли к самоопределению, которые не оставят шансов для антидемократических манипуляций. Но, так как отклоняющееся поведение может идти параллельно с накоплением системы знаний и формированием правовых и нравственных норм, главной задачей воспитателей должна быть педагогическая деятельность, направленная на формирование у людей устойчивых знаний и привычек правового и нравственного поведения (даже несмотря на то, что не всегда отклоняющееся от принятой нормы (или даже деструктивное поведение) влечет за собой социально опасные деяния по отношению к окружающим).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model. *J. Pers. Soc. Psychol.* 2002; 83 (1): 75–93.
2. Federico C. M., Hunt C. V., Ergun D. Political expertise, social worldviews, and ideology: translating «competitive jungles» and «dangerous worlds» into ideological reality. *Social Justice Research.* 2009; 22 (2): 259–79.
3. Jugert P., Duckitt J. A motivational model of authoritarianism: integrating personal and situational determinants. *Political Psychology.* 2009; 30 (5): 693–719.
4. Van Hiel A., Cornelis I., Roets A. The intervening role of social worldviews in the relationship between the five-factor model of personality and social attitudes. *European Journal of Personality.* 2007; 21 (2): 131–48.
5. Gulevich O. A., Anikeenok O. A., Bezmenova I. K. Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt's Scales. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics.* 2014; 11 (2): 68–89. Russian (Гулевич О. А., Анিকেенок О. А., Безменова И. К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита. *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* 2014; 11 (2): 68–89).
6. McHoskey J. W. Authoritarianism and ethical ideology. *J. Soc. Psychol.* 1996; 136 (6): 709–17.
7. Satherley N., Sibley C. G. A Dual Process Model of attitudes toward immigration: Predicting intergroup and international relations with China. *Int. J. Intercult. Rel.* 2016; 53: 72–82.
8. Sibley C. G., Duckitt J. The dual process model of ideology and prejudice: a longitudinal test during a global recession. *J. Soc. Psychol.* 2013; 153 (4): 448–66.
9. Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D. J., Sanford R. N. *The authoritarian personality.* New York: Harper and Row; 1950.
10. Altemeyer B. *Right-Wing Authoritarianism.* Winnipeg, Manitoba, Canada: University of Manitoba Press; 1981. 352.
11. Hodson G., Dhont K. The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity. *European Review of Social Psychology.* 2015; 26 (1): 1–42.
12. Altemeyer B. *Enemies of freedom. Understanding right-wing authoritarianism.* Mississauga: Jossey-Bass Inc.; 1988. 370.
13. Altemeyer B. *The Authoritarian Specter.* Harvard: Harvard University Press; 1996. 384.
14. McFarland S. G., Ageyev V. S., Abalakina-Paap M. Authoritarianism in the former Soviet Union. *J. Pers. Soc. Psychol.* 1992; 63 (6): 1004–10.
15. Pratto F., Sidanius J., Levin S. Social dominance theory and the dynamics of intergroup relations: Taking stock and looking forward. *Eur. Rev. Soc. Psychol.* 2006; 17(1): 271–320.
16. Furnham A. Personality, Emotional and Self-Assessed Intelligence and Right Wing Authoritarianism. *Psychology.* 2015; 6 (16): 2113–8.
17. Duckitt J., Sibley C. G. Personality, Ideology, Prejudice, and Politics: a Dual-Process Motivational Model. *J. Pers.* 2010; 78 (6): 1861–94.
18. Pettigrew T. F. In Pursuit of Three Theories: Authoritarianism, Relative Deprivation, and Intergroup Contact. *Annu. Rev. Psychol.* 2016; 67 (1): 1–21.
19. Brandt M. J., Henry P. J. Gender inequality and gender differences in authoritarianism. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 2012; 38 (10): 1301–15.
20. Amunts K., Kedo O., Kindler M., Pieperhoff P., Mohlberg H., Shah N. J., Habel U., Schneider F., Zilles K. Cytoarchitectonic mapping of the human amygdala, hippocampal region and entorhinal cortex: intersubject variability and probability maps. *Anat. Embryol. (Berl).* 2005; 210 (5–6): 343–52.
21. Somerville L. H., Whalen P. J., Kelley W. M. Human bed nucleus of the stria terminalis indexes hypervigilant threat monitoring. *Biol. Psychiatry.* 2010; 68 (5): 416–24.
22. Pedersen W. S., Muftuler L. T., Larson C. L. Conservatism and the neural circuitry of threat: economic conservatism pre-

- dicts greater amygdala — BNST connectivity during periods of threat vs safety. *Soc. Cogn. Affect. Neurosci.* 2018; 13 (1): 43–51.
23. Ruffman T., Wilson M., Henry J. D., Dawson A., Chen Y., Klادنitski N., Myftari E., Murray J., Halberstadt J., Hunter J. A. Age differences in right-wing authoritarianism and their relation to emotion recognition. *Emotion.* 2016; 16 (2): 226–36.
24. Huddy L. Contrasting Theoretical Approaches to Intergroup Relations. *Political Psychology.* 2004; 25 (6): 947–67.
25. Ho A. K., Sidanius J., Pratto F., Levin S., Thomsen L., Kteily N., Sheehy-Skeffington J. Social Dominance Orientation: Revisiting the Structure and Function of a Variable Predicting Social and Political Attitudes. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 2012; 38 (5): 583–606.
26. Pratto F., Sidanius J., Stallworth L. M., Malle B. F. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *J. Pers. Soc. Psychol.* 1994; 67 (4): 741–63.
27. Akrami N., Ekehammar B. Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation. *Journal Individual Differences.* 2006; 27 (3): 117–26.
28. Kuşdil M. E., Akoğlu S. Ç. Relationships Among Social Dominance Orientation, Social Axioms, and Values. *Social Behavior and Personality. Int. J.* 2014; 42 (8): 1395–407.
29. Ho A. K., Sidanius J., Kteily N., Sheehy-Skeffington J., Pratto F., Henkel K. E., Foels R., Stewart A. L. The nature of social dominance orientation: Theorizing and measuring preferences for intergroup inequality using the new SDO₇ scale. *J. Pers. Soc. Psychol.* 2015; 109 (6): 1003–28.
30. Duckitt J. A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice. *Adv. Exp. Soc. Psychol.* 2001; 33: 41–113.
31. Feather N. T., McKee I. R. Values, Right-Wing Authoritarianism, Social Dominance Orientation, and Ambivalent Attitudes Toward Women. *J. Appl. Soc. Psychol.* 2012; 42 (10): 2479–504.
32. Radkiewicz P. Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation. *Pers. Individ. Differ.* 2016; 99: 106–12.
33. Chirumbolo A., Leone L., Desimoni M. The interpersonal roots of politics: Social value orientation, socio-political attitudes and prejudice. *Pers. Individ. Differ.* 2016; 91: 144–53.
34. Hodson G., MacInnis C. C., Busseri M. A. Bowing and kicking: Rediscovering the fundamental link between generalized authoritarianism and generalized prejudice. *Pers. Individ. Differ.* 2017; 104: 243–51.
35. Van Ijzendoorn M. H. Moral judgment, authoritarianism, and ethnocentrism. *J. Soc. Psychol.* 1989; 129 (1): 37–45.
36. Wilson M. S. Social dominance and ethical ideology the end justifies the means? *J. Soc. Psychol.* 2003; 143 (5): 549–58.
37. Peterson B. E., Smirles K. A., Wentworth, P. A. Generativity and authoritarianism: implications for personality, political involvement, and parenting. *J. Pers. Soc. Psychol.* 1997; 72 (5): 1202–16.
38. Krauss S. W. Romanian authoritarianism 10 years after communism. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 2002; 28 (9): 1255–64.
39. McHoskey J. W. Case closed? On the John F. Kennedy assassination: biased assimilation of evidence and attitude polarization. *Basic Appl. Soc. Psych.* 1995; 17 (3): 395–409.
40. Lehmler J. J., Schmitt M. T. Group domination and inequality in context: evidence for the unstable meanings of social dominance and authoritarianism. *Eur. J. Soc. Psychol.* 2007; 37 (6): 704–24.
41. McFarland S. G. On the eye of war: authoritarianism, social dominance, and American students' attitudes toward attacking Iraq. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 2005; 31 (3): 360–7.
42. Pena Y., Sidanius J. U. S. patriotism and ideologies of group dominance: a tale of asymmetry. *J. Soc. Psychol.* 2002; 142 (6): 782–90.
43. Sibley C. G., Duckitt J. Big-five personality, social worldviews, and ideological attitudes: further tests of a dual process cognitive-motivational model. *J. Soc. Psychol.* 2009; 149 (5): 545–61.
44. Sibley C. G., Duckitt J. The personality bases of ideology: a one-year longitudinal study. *J. Soc. Psychol.* 2010; 150 (5): 540–59.
45. Butler J. C. Authoritarianism and fear responses to pictures: the role of social differences. *Int. J. Psychol.* 2013; 48 (1): 18–24.
46. Kandler C., Lewis G. J., Feldhaus L. H., Riemann R. The genetic and environmental roots of variance in negativity toward foreign nationals. *Behav. Genet.* 2015; 45 (2): 181–99.
47. Lee I. C. Endorsement of sexist ideology in Taiwan and the United States: social dominance orientation, right-wing authoritarianism, and deferential family norms. *Int. J. Psychol.* 2013; 48 (3): 254–62.
48. Peterson B. E., Zurbriggen E. L. Gender, sexuality, and the authoritarian personality. *J. Pers.* 2010; 78 (6): 1801–26.
49. Asbrock F., Kauff M. Authoritarian Disbeliefs in Diversity. *J. Soc. Psychol.* 2015; 155 (6): 553–8.
50. Nurutdinov I. I. Methodological Problems of Conceptualization of the Notion of «Wahhabism». *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii.* 2015; 3: 246–50. Russian (Нуртудинов И. И. Методологические проблемы концептуализации понятия «ваххабизм». *Вестник экономики, права и социологии.* 2015; 3: 246–50).
51. Kinnvall C. Globalization and religious nationalism: Self-identity, and the search for ontological security. *Polit. Psychol.* 2004; 25 (5): 741–67.
52. Diener E., Tay L., Myers D. G. The religion paradox: If religion makes people happy, why are so many dropping out? *J. Pers. Soc. Psychol.* 2011; 101 (6): 1278–90.
53. Zuckerman P. Atheism and societal health. In: Bullivant S., Ruse M., eds. *Oxford handbook of atheism.* N. Y.: Oxford University Press; 2013.
54. Kay A. C., Shepherd S., Blatz C. W., Chua S. N., Galinsky A. D. For God (or) country: the hydraulic relation between government instability and belief in religious sources of control. *J. Pers. Soc. Psychol.* 2010; 99 (5): 725–39.
55. Rudenko M. N., Alimova D. A. The problem of the functional

role of religion in modern society. Vestnik Astrakhan. State Technical University. 2017; 1 (63): 114–20. Russian (*Руденко М. Н., Алимова Д. А.* Проблема функциональной роли религии в современном обществе. Вестник Астрахан. гос. технич. университета. 2017; 1 (63): 114–20).

56. *Yagiyayev I. I.* Interrelation of Belief in Dangerous World with Religiosity, Atheism and Religious Indifferentism of Personality. Psychology. Journal of the Higher School of Economics.

2015; 12 (3): 165–74. Russian (*Ягияев И. И.* Взаимосвязь веры в опасный мир с религиозностью, атеизмом и религиозным индифферентизмом личности. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015; 12 (3): 165–74).

57. *Dhont K., Hodson G., Leite A. C.* Common Ideological Roots of Speciesism and Generalized Ethnic Prejudice: The Social Dominance Human — Animal Relations Model (SD-HARM). Eur. J. Pers. 2016; 30 (6): 507–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Улюкин Игорь Михайлович — канд. мед. наук, научный сотрудник научно-исследовательского центра, ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова» МО РФ, 194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6, конт. тел.: +7(921)9261621, e-mail: igor_ulyukin@mail.ru

Костин Дмитрий Владимирович — канд. мед. наук, начальник группы профессионального психологического отбора отдела по работе с личным составом, ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова» МО РФ, 194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6

Киселева Наталья Викторовна — канд. психол. наук, ведущий психолог группы профессионального психологического отбора отдела по работе с личным составом, ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова» МО РФ, 194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6

Юсупов Владислав Викторович — докт. мед. наук, профессор, начальник отдела медико-психологического сопровождения научно-исследовательского центра, ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова» МО РФ, 194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6

Березовский Артур Владимирович — заместитель начальника факультета подготовки врачей, ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова» МО РФ, 194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ulyukin Igor M. — M. D., Ph. D. (Medicine), Research Associate, Scientific Research Center, S. M. Kirov Military Medical Academy of the Russian Defense Ministry, 6, Akademika Lebedeva str., Saint Petersburg, Russia, 194044, cont. phone: +7(921)9261621, e-mail: igor_ulyukin@mail.ru

Kostin Dmitriy V. — M. D., Ph. D. (Medicine), the Head of the Professional Psychological Selection Team, Personnel Department, S. M. Kirov Military Medical Academy of the Russian Defense Ministry, 6, Akademika Lebedeva str., Saint Petersburg, Russia, 194044

Kiseleva Natalya V. — Ph. D. (Psychology), Leading Psychologist of the Professional Psychological Selection Team, Personnel Department, S. M. Kirov Military Medical Academy of the Russian Defense Ministry, 6, Akademika Lebedeva str., Saint Petersburg, Russia, 194044

Yusupov Vladislav V. — M. D., D. Sci. (Medicine), Prof., Head of the Department of Medical and Psychological Support, Scientific Research Center, S. M. Kirov Military Medical Academy of the Russian Defense Ministry, 6, Akademika Lebedeva str., Saint Petersburg, Russia, 194044

Berezovskii Arthur V. — M. D., the Deputy Head of the Faculty of Medical Training, S. M. Kirov Military Medical Academy of the Russian Defense Ministry, 6, Akademika Lebedeva str., Saint Petersburg, Russia, 194044